V 560
674

H 52

V 560/674

НЕОБХОДИМОЕ

ИЗМѢНЕНЬЕ

В'Ъ НАШЕЙ

КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМѢ.

«Долгъ платежемъ красенъ.»
Народная пословица.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

РУССКОМУ ДВОРЯНСТВУ.

BERLIN.
B. BEHR'S BUCHHANDLUNG.
(E. BOCK.)
27 UNTER DEN LINDEN.
1869.

9С
Н52
560
674

НЕОБХОДИМОЕ

ИЗМѢНЕНЬЕ

ВЪ НАШЕЙ

КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМѢ.

«Долгъ платежемъ красенъ.»

Народная пословица.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

РУССКОМУ ДВОРЯНСТВУ.

«Истинно-либеральныя мѣры всегда въ сущности консервативны, точно также, какъ истинно-консервативныя мѣры въ сущности либеральны.»

Моск. Вѣд. 23 Янв. 1869 г.

Что это еще такое? спроситъ читатель; позденько хватился авторъ перемѣнять дѣло, почти оконченное.

Лучше поздно, чѣмъ никогда и не даромъ же русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ. Освобожденье крестьянъ у насъ еще не кончилось, а слѣдствія его никогда не исчезнутъ изъ исторіи народа; въ дальнѣйшихъ поколѣніяхъ отзовется характеръ нашей реформы и отзовется по достоинству; какъ аукнулось, такъ и откликнется. Если мы желаемъ, чтобы откликнулось хохошо, то и аукнуть надо чистымъ, яснымъ, а не хриплымъ голосомъ.

Крестьянской реформой у насъ хвастаютъ и гордятся, почитая ее образцовой. Хотя нѣкоторые уже и начинаютъ замѣчать въ ней недостатки, чувствуютъ, что надо бы исправить и тамъ и сямъ, здѣсь подмазать, тамъ подпереть, но и эти немногіе слишкомъ поверхностно смотрятъ на дѣло, мало обращая вниманья на общій характеръ и смыслъ всей реформы; они желали бы измѣнить въ ней ту или другую статейку, ихъ претензіи далѣе не идутъ. Недовольные кое какими подробностями и мелочами, они очень терпѣливы и не сомнѣвается въ томъ, что время все уладитъ ко все-

общему удовольствію. Мы бы и не стали имъ противорѣчить, еслибъ недостатки эмансипаціи дѣйствительно ограничивались однѣми подробностями. Но, къ сожалѣнью, это не такъ. Всѣ пороки нашей крестьянской реформы произошли и происходятъ имянно отъ того, что нѣтъ у ней прочнаго и разумнаго основанья, которое бы связало въ одно живое и стройное цѣлое всѣ ея части, шатающіяся и расползающіяся врозь за неимѣніемъ внутренняго единства и органическаго начала. Когда ложенъ самъ принципъ, принятый въ основу реформы, то время уже не исправитъ его; напротивъ, основная ложь, чѣмъ далѣе, тѣмъ ярче будетъ выступать наружу, тѣмъ болѣе будетъ мѣшать жизни и навсегда останется дѣятельнымъ источникомъ новыхъ неправильностей. Все дѣло никуда не годится, когда негодно его основанье и должно быть передѣлано. Насколько мы правы, пусть судитъ самъ читатель изъ дальнѣйшаго изложенья. Но не желая пугать, а только предостеречь нашихъ соотечественниковъ, мы спѣшимъ сказать, что мѣра, которую мы считаемъ необходимой для устраненья въ нашей эмансипаціи всѣхъ ея пороковъ, какъ существующихъ уже, такъ и имѣющихъ открыться въ послѣдствіи, — вовсе не сложная и вполнѣ намъ доступная; она не потребуетъ ни жертвъ, ни новаго матеріала, ни ломки стараго: все зданіе, почти въ томъ видѣ, въ какомъ оно находится теперь, мы думаемъ перенести на твердую основу, такъ сказать подвести подъ него фундаментъ, безъ котораго оно имѣетъ видъ наскоро сколочетнаго балагана, гдѣ почтеннѣйшая публика рискуетъ либо правилиться, либо быть раздавленной.

Не все въ жизни народа можно дѣлать кое какъ. Есть вопросы, которые должны быть рѣшаемы не иначе, какъ во всей ихъ полнотѣ, чего бы эта полнота ни стоила, или, въ противномъ случаѣ, лучше до нихъ вовсе не касаться, дабы не попасть изъ огня да въ полымя. Узелъ можно разсѣчь, разорвать; но есть только одинъ способъ

правильно развязать его и этотъ способъ всегда указуется самимъ узломъ.

Какъ же мы разпутали намъ узелъ? — Очень скоро и просто, слишкомъ просто; мы не разглядѣли даже и того, что въ немъ были двѣ петли, два момента, совершенно различные. Первый — уничтоженье помѣщичьяго права на людей, второй — крестьянская свобода, или опредѣленіе новыхъ отношеній крестьянъ къ государству. Какъ ни важно это различеніе, его однако совершенно выпустили изъ виду, воображая, что прекращенье помѣщичьяго права уже освобождаетъ крестьянъ!

Дворянское право душевладѣнья могло быть упразднено и выкупомъ и безъ выкупа, одною монаршею волей и, наконецъ, избіеніемъ всѣхъ помѣщиковъ. Всѣ эти различные способы одинаково радикально прекратили бы крѣпостное помѣщичье право; но очевидно, что не одинаковыя послѣдствія имѣли бы они какъ для крестьянства, такъ и для всего государства. Изъ этого слѣдуетъ, что эмансипація не есть всякое, какое бы ни было прекращенье стараго порядка, но только одно *правильное и справедливое*.

Дотянувъ до послѣдней крайности и уже обстоятельствами вынужденные приступить къ крестьянской реформѣ, мы хватили ее съ плеча. Самые передовые русскіе люди говорили въ концѣ пятидесятыхъ годовъ: «Хоть *какъ нибудь*, лишь бы поскорѣе покончить съ крѣпостнымъ правомъ и потому будемъ умѣренны въ нашихъ требованьяхъ, постараемся поставить вопросъ такъ, чтобы не слишкомъ запугать правительство и не вызвать слишкомъ сильной оппозиціи со стороны большинства помѣщиковъ.» Но чѣмъ важнѣе дѣло, тѣмъ менѣе допускаетъ оно *какъ нибудь*. Если мы въ самомъ дѣлѣ были застигнуты крестьянскимъ вопросомъ въ расплохъ и на первыхъ порахъ должны были довольствоваться провизорнымъ его рѣшеньемъ, то это самое обязываетъ насъ теперь, на досугѣ, снова возвратиться къ нему и уже съ должною долею осмотрительности и добро-

совѣстности. Рано или поздно — исторія насъ къ тому вынудитъ; не лучше ли же свободно приняться за неизбѣжную работу?

Но тутъ мы должны сдѣлать маленькую оговорку и объяснить читателю нашу точку зрѣнія. Зная, что въ Россіи готовы клеймить врагомъ народа, революціонеромъ или крайнимъ ретроградомъ всякаго, кто осмѣливается публично осуждать крестьянскую реформу, мы считаемъ нужнымъ объясниться.

Мы хотимъ свободы, но не отказываясь отъ исторіи и ея постепенности. Признаемся однако, что живую и бодрую походку предпочитаемъ старческому хроманью.

Мы знаемъ, что движенье не можетъ совершаться въ пустомъ пространствѣ, что народный прогрессъ долженъ опираться на народную исторію.

Можетъ случиться, что точка зрѣнія передоваго мыслителя сама по себѣ справедлива и основанная на ней система вполнѣ вѣрна, но она не приложима ко времени потому, что остальное человѣчество не дозрѣло до пониманья философа. Если онъ желаетъ руководить народъ, то долженъ спуститься къ людямъ, стать между ними, принять на себя всѣ ихъ историческія условія и тогда уже шагъ за шагомъ вести ихъ къ цѣли. Простые вагоны никогда бы не тронулись съ мѣста, еслибъ не было передоваго локомотива, дышащаго живымъ огнемъ; но и локомотивъ не увлекъ бы ихъ за собой, еслибъ не сковался съ ними желѣзною цѣпью.

Вотъ съ какимъ консервативнымъ взглядомъ приступаемъ мы къ вопросу объ освобожденіи крестьянъ. Мы понимаемъ, что желая блага Россіи, не должно отступать отъ ея исторіи и отъ современныхъ условій ея жизни. Итакъ, къ исторіи и до знаменитаго 19 февраля.

Въ ней застаемъ мы крѣпостное состоянье, въ силу котораго помѣщикъ имѣетъ юридическое право крестьянъ своихъ подарить, промѣнять, проиграть въ карты, продать на свозъ. Если такова его власть надъ людьми, то, безъ сомнѣнья, и земля крестьянская вся принадле-

житъ помѣщику. Онъ покупаетъ и продаетъ и землю и крестьянъ, а правительство утверждаетъ купчую, — право безспорное и мы признаемъ за нимъ всю его юридическую силу.

Но вотъ настала нужда освободить крестьянъ отъ крѣпостной неволи. Не будемъ и тутъ допрашивать, кто первый прочувствовалъ и высказалъ эту нужду, самъ ли крестьянинъ, или царь, или время или, наконецъ, всѣ вмѣстѣ; не въ этомъ главный вопросъ, а въ томъ, *какъ освободить?* Безъ земли нельзя, это не было бы ни въ интересахъ государства, ни даже въ интересахъ помѣщичьихъ. Невозможно пустить по міру сорокъ милліоновъ пролетаріевъ, кто же бы тутъ уцѣлѣлъ?!... Воля должна была быть дана съ землею и для этаго придумали самое естественное и справедливое: выкупъ крестьянъ съ ихъ земельнымъ надѣломъ. Мы разумѣемъ выкупъ государственный и такъ, казалось, само правительство понимало дѣло въ первую минуту, такъ бы вѣроятно и поступило оно, еслибъ могло, т. е. еслибъ у него хватило достаточно денегъ на такую громадную операцію; но ихъ не случилось, а потому пришлось правительству и тутъ, какъ всегда, поклониться мужичку и попросить его, чтобы онъ выручилъ и *выкупился самъ съ своимъ клочкомъ земли.* Иными словами: у крестьянства отняли искони его и имъ воздѣланную землю, его самаго взяли въ неволю, а теперь его же заставляютъ платить кровныя денежки за собственное рабство. Его сдѣлали на нѣсколько вѣковъ несчастнымъ, оно же должно *еще* наказать себя и *израсходоваться на крѣпостныя розги.* Вотъ смыслъ нашей эмансипаціи.

Положимъ, что это наказанье послѣднее, такъ сказать напутственное на свободу; но за что же однако оно? Уже ли крестьянинъ виноватъ и въ томъ, что попалъ въ неволю? — Чего другаго, но справедливости, какъ видитъ самъ читатель, тутъ не много!

Юриспрюденція сама по себѣ, а исторія сама по себѣ. Первая можетъ сочинять искуственную давность

и этою давностью узаконивать старое неправое дѣло. Но исторія давности не признаетъ, знать ея не хочетъ и напротивъ того, чѣмъ далѣе терпитъ она зло, тѣмъ строже караетъ его впослѣдствіи. Это на томъ основаніи, что расчеты свои она ведетъ не съ лицами, судитъ не крестьянина съ помѣщикомъ, но *все крестьянство со всѣмъ государствомъ*. И на этомъ историческомъ судѣ неправда государственная становится очевидною. Помѣщики *юридически правы* передъ крестьянами своими, ибо государство допустило и узаконило крѣпостное право: но по этому самому государство виновато передъ народомъ и должно свою вину загладить. Помѣщики имѣютъ право на вознагражденье за отходящіе отъ нихъ земли и крѣпостной трудъ, пріобрѣтенные ими въ собственность въ *силу государственнаго закона*. Но это вознагражденье они конечно должны получить не съ крестьянъ, которые болѣе всѣхъ нуждаются въ вознагражденіи за претерпѣнное ими многовѣковое рабство, но съ правительства, отдавшаго крестьянъ въ неволю. Еслибъ помѣщики сами ловили свободныхъ крестьянъ и крѣпостили ихъ себѣ, то не имѣли бы и права на выкупъ. Они были бы то же самое, что калабрскіе разбойники, всегда готовые эмансипировать своихъ невольниковъ за деньги. Правительство отдало имъ крестьянъ въ неволю, на правительствѣ и лежитъ стало быть непремѣнная обязанность ихъ выкупить.

Противъ этой простѣйшей и очевиднѣйшей истины никто и возражать не подумаетъ. Само правительство ее признаетъ въ теоріи и оправдываетъ свою практику единственно — своимъ безсиліемъ, своимъ нищенствомъ!...

Изъ сказаннаго уже ясно, что крѣпостничество не есть только неправедная помѣщичья власть надъ собственностью и свободою крестьянъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ неправедная надъ крестьянами власть государственная, которую правительство только передавало дворянамъ въ *пользованье*; и теперь ее у помѣщиковъ отбираетъ, оставаясь такимъ образомъ однимъ крѣпостникомъ за всѣхъ

покуда не хочетъ уплатить своего долга. Пожалуй мы скажемъ — *не можетъ* уплатить. Какъ бы то ни было, но возможны ли общая цивилизація, общее дѣло, довѣріе между сословіями или между народомъ и властью, когда между всѣми легла несправедливость? Какое у насъ земство, когда нѣтъ единой, дружной земли? На какой правдѣ осnуемъ мы наше законодательство, когда отвергаемъ историческую правду, заставляя рабовъ нашихъ еще платиться за ихъ рабство? Они не могутъ ждать себѣ добра отъ нашихъ распоряженій, всегда будутъ подозрѣвать насъ въ недоброжелательствѣ и постараются создать себѣ иной міръ помимо нашего. Чѣмъ они будутъ просвѣщеннѣе, тѣмъ яснѣе станутъ понимать нашу съ ними продѣлку. Ихъ цивилизація для насъ опаснѣе всего. Страшитесь же пробужденья мысли въ народѣ, бросьте толки о грамотности, о законности, закройте скорѣе наши новые суды, воротите помѣщичье право, дабы упрекъ крѣпостничества не обрушился на однѣ власти!...

Крестьянскій выкупъ нетолько не освобождаетъ крестьянъ, но налагаетъ на нихъ новую тяжесть, новое наказанье. Если у правительства денегъ нѣтъ, то значитъ, что и эмансипація *еще невозможна:* безъ капитала нельзя ни покупать, ни выкупать; а крестьянинъ своимъ выкупомъ только *приплачиваетъ* къ своей старой службѣ у помѣщика. Это ясно какъ день!

Судьба такъ измучила простой народъ, что онъ готовъ согласиться и на эту развязку, готовъ вынести еще поборы въ надеждѣ, что авось это истязанье будетъ *послѣднее.* Но мы не можемъ однако смотрѣть на законодательство какъ на удобный способъ испытывать терпѣнье народа.

Въ Россіи разсуждаютъ такъ: какова бы ни была наша эмансипація, но она все таки облегчила участь крестьянъ. — Да, лежать подъ розгами больнѣе, нежели плотить за розги, это правда; но за то плотить за нихъ несравненно унизительнѣе, а къ сему то мы и принуж-

дамъ крестьянина. Если мы будемъ смотрѣть на него какъ на животное, чувствительное только къ физической боли, то наша эмансипація для него — нѣкоторая милость; если же взглянемъ на него какъ на существо нравственное, то наша эмансипація окажется плохимъ средствомъ для пробужденія въ людяхъ человѣческаго достоинства.

Люди бываютъ иногда вынуждены выкупаться изъ плѣну и неволи и не считаютъ это для себя унизительнымъ; но только потому не считаютъ, что смотрятъ на бывшихъ господъ своихъ какъ на враговъ или разбойниковъ. Неужели же государство россійское желаетъ, чтобъ крестьяне видѣли въ немъ злодѣя своего, который ихъ сперва закабалилъ, а потомъ требуетъ съ нихъ выкупа? Что же и называется торговать человѣкомъ и какихъ успѣховъ цивилизаціи можно ждать отъ подобной эксплуатаціи?!...

Намъ видно основы нравственности и принципы права ничочемъ, мы объ нихъ не думаемъ; реформы нами предпринимаемыя и совершаемыя мы возводимъ безъ всякаго фундамента. Оттого намъ такъ все легко дается: понадобилась эмансипація, — извольте, готова. Нѣмцы со стороны удивляются, недоумѣваютъ и только пожимаютъ плечами, а мы превозносимъ себя великимъ народомъ, для котораго всякое дѣло — трынъ трава. На первый взглядъ и красно и пестро и съ золотою мäковкой, да внутри-то пустота: выстроено, не выращено. Очень коварныхъ замысловъ или злобы противъ народа у насъ нѣтъ. Такъ, еслибъ въ минуту эмансипаціи богъ послалъ правительству много денегъ, то оно конечно не поскупилось бы употребить ихъ на крестьянскій выкупъ. Но богъ денегъ не послалъ, — не стоять же дѣлу за такою дрянью, за деньгами, тѣмъ болѣе, что на мѣсто ихъ у насъ есть крѣпостной трудъ, — крестьяне сами сдѣлаютъ свою эмансипацію, стоитъ только ихъ созвать на барщину (на государщину?). Почешетъ крестьянинъ затылокъ, а на волю все таки

выкупится — приказано!... Безъ твердаго и гладкаго полотна нестроится и желѣзная дорога, какъ же крестьянскую реформу возводить безъ подготовленнаго грунта?!...

Конечно правительство можетъ имѣть причины и право сказать, что не располагаетъ въ данную минуту достаточными средствами для совершенія той или другой нужной реформы. Но оно не можетъ и не въ правѣ объявить, что *никогда* не будетъ имѣть необходимыхъ средствъ. Такое признанье было бы съ его стороны полнѣйшимъ самоосужденьемъ. Если оно устроило крѣпостное состоянье, то *должно умѣть* и устранить его. Что за правительство, которое надо на каждомъ шагу выручать? Неужели оно на одно зло способно и для того только стоитъ, чтобы своими казармами, министерствами, коллегіями, крѣпостничествомъ, рекрутчиной, налогами задавить а раззорить народную жизнь? Конечно нѣтъ. И государство наше, считающее слишкомъ семьдесятъ милліоновъ подданныхъ и распространившее свои владѣнія на полъ свѣта, право не нищій. Временно его финансы могутъ быть болѣе или менѣе стѣснены и такъ могло ему казаться, на примѣръ, въ шестидесятомъ году; но съ тѣхъ поръ обстоятельства измѣнились и мы такъ твердо убѣждены въ нынѣшней состоятельности россійской имперіи, что смѣло гарантируемъ русскому народу изъ государственныхъ доходовъ шестьдесятъ милліоновъ руб. сер. (60,000,000) ежегоднаго капитала на выкупную операцію, которая лѣтъ черезъ двадцать могла бы быть приведена къ концу. Для этого стоитъ только сократить нашъ военный расходъ и убѣдиться, что это сдѣлать возможно. Такое убѣжденіе необходимо, иначе у правительства никогда не будетъ нужныхъ средствъ.

Всѣмъ извѣстно, что громаднѣйшая часть нашихъ государственныхъ доходовъ поглощается военнымъ министерствомъ. Посмотримъ, нельзя ли же уменьшить его бюджетъ?

Мы содержимъ большія военныя силы и тратимъ на нихъ слишкомъ 130,000,000 р. с. въ годъ (бюджетъ на 69 годъ). Зачѣмъ намъ такая армія? Въ завоеваніяхъ мы не нуждаемся, территорія Россіи и безъ того черезъ чуръ обширна. Для защиты? Но по расчету генерала Фадѣева выходитъ, что и съ этой арміей мы не можемъ выставить противъ европейскаго врага болѣе 200,000 человѣкъ. Положимъ, что эта цифра не совсѣмъ вѣрна, удвоимъ ее, все же это плохая защита, если взять въ соображеніе нынѣшнія военныя силы западныхъ державъ. Австрія имѣетъ 800,000, Пруссія за 1,000,000 солдатъ, изъ коихъ легко можетъ послать противъ насъ 600,000 и т. д. Для того, чтобы быть на равной ногѣ со всѣми европейскими державами, намъ надо, по нашему географическому положенію, имѣть подъ ружьемъ по крайней мѣрѣ 1,200,000 и даже 1,500,000. Но на это уже рѣшительно не хватитъ нашихъ финансовъ. Слѣдствіе отсюда самое простое: что армія наша, недостаточная для нашей защиты, *разстроена безъ пользы*. Самъ собою представляется вопросъ: если она только дорогая забава, то не свести ли ее на половину, вмѣсто семи или восьмисотъ тысячъ солдатъ числящихся, нынѣ, не оставить ли тысячъ триста пятьдесятъ и поискать иныхъ способовъ защиты, менѣе убыточныхъ и болѣе надежныхъ?

По нашему мнѣнью войско должно имѣть одну задачу, отражать внѣшняго врага; но нѣкоторые увѣряютъ, что у него еще другая задача, полицейская, охранять внутреннее спокойствіе страны. Допустимъ и это и посмотримъ, гдѣ намъ войско нужно для внутренней безопасности? На Кавказѣ война окончена; трехсоттысячная армія, посланная туда при кн. Барятинскомъ, задавила тамъ всякое сопротивленье, проложила всюду дороги, разрушила всѣ враждебныя твердыни. Кавказъ нужно теперь только оберегать, для чего достаточно 50—60 тысячъ человѣкъ и стараться иными мѣрами умиротворить страну. Во всей Сибири у насъ и те-

перь нѣтъ болѣе 20,000. Въ Финляндіи войско не нужно: Финны счастливы подъ русскимъ владычествомъ и Россіи не измѣнятъ. Изъ остзейскаго края нужно поскорѣе вывесть русскіе штыки, которые тамъ, по признанію самихъ нѣмцевъ, служатъ только нѣмецкому деспотизму (Маттеръ). Къ тому же Латыши и Эсты могутъ намъ поручиться въ случаѣ надобности за спокойствіе и вѣрность бароновъ. Въ Польшѣ, безъ насъ стерегомой и Австріей и Пруссіей, равно и въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ, по увѣренію нашего правительства, послѣ послѣднихъ реформъ весь народъ сталъ за насъ и возненавидѣлъ прежнихъ пановъ, войско повидимому было бы совершенно лишнее: но такъ какъ въ этомъ случаѣ храбрость правительства едва ли искренна, то для его успокоенья мы удѣляемъ на Польшу и западныя губерніи — много: 200,000. За тѣмъ у насъ еще останется 70,000 для гарнизоновъ по крѣпостямъ и весь флотъ.

Конечно, если мы вѣчно будемъ ждать бунтовъ, заговоровъ, революцій, то никакихъ вооруженныхъ силъ не хватитъ; все будетъ казаться мало пугливому воображенью. Но у кого совѣсть чиста, тому бояться нечего и смѣшно. Да не забываютъ наши власти и того, что наша единственная революція (14 Декабря) была бы невозможна безъ арміи!

Мы составили нашъ военный расчетъ на мирное время, съ точки зрѣнія внутренняго спокойствія. Но откуда же ждать намъ нападеній? Пруссія занята своимъ германскимъ дѣломъ, которое еще не скоро увѣнчается полнымъ успѣхомъ и такъ какъ мы не хотимъ ей мѣшать, то и ея злость скорѣе обратится на ея сосѣдей западныхъ и южныхъ, нежели на восточныхъ. Австріи не до жиру, быть бы живу и хотя она думаетъ довести численность своей арміи до 800,000, но это собиранье силъ болѣе походитъ на предсмертную судорогу, нежели на угрозу. Австрійскіе государственные люди знаютъ, что война только ускоритъ распа-

денье имперіи Габсбурговъ, послѣ чего можетъ образоваться королевство венгерское, которому достаточно будетъ дѣла съ окружающими его славянами. Францію и Англію мы могли бы задѣть развѣ только въ восточномъ вопросѣ, а потому, когда онѣ увидятъ наше обезоруженье, то у нихъ не будетъ и предлога къ ссорѣ съ нами. Нынѣшнее положенье Европы особенно намъ благопріятно. О завоеваніяхъ никто не думаетъ, даже вмѣшательство въ чужія дѣла все болѣе и болѣе становится для народовъ тягостно. Такое настроенье не случайно, это одинъ изъ симптомовъ умножившейся цивилизаціи. Торговые, экономическіе, умственные интересы націй такъ между собой переплелись, что война ни для кого не представляется выгодной. Мира хотятъ всѣ, арміи надоѣли всюду. На сцену историческую выступаютъ низшіе, рабочіе классы съ требованьеми практическими, съ трезвымъ взглядомъ на жизнь, неспособные къ религіозному фанатизму, нечувствительные къ условнымъ понятіямъ о рыцарской чести, не мечтающіе о военныхъ лаврахъ, даже не очень думающіе о національности. Во Франціи шовинизмъ осмѣянъ, опошленъ, военный мундиръ не рѣшается показаться въ публикѣ; Англія требуетъ отъ своего правительства экономіи, сокращенія издержекъ на армію и флотъ; она громко заявляетъ нежеланіе вмѣшиваться въ чужіе споры и начинаетъ понимать, что сила ея не во внѣшнихъ владѣніяхъ, но въ ней самой, въ ея культурѣ. Не пора ли и намъ взяться за умъ и прибрать немного избу нашу, но приступить къ дѣлу безъ патріотическаго восторга и ослѣпленія, безъ боязни исправлять и стало быть критиковать свое. Мы подвержены худымъ сновидѣніямъ; какъ дѣтямъ разбойники, такъ намъ постоянно грезятся коалиціи противъ насъ цѣлой Европы. Подъ вліяніемъ этаго страха мы забываемъ дѣло нашего внутренняго устройства и думаемъ придать себѣ храбрости и духу всякаго рода патріотическими выходками, дѣйствующими на насъ точно такъ, какъ опіумъ на турокъ. Еслибъ

наши сны были и пророческіе, то на коалицію и мы могли бы отвѣтить коалиціею, т. е. встать всѣмъ народомъ. Могла же Америка поставить на ноги два милліона войска, а насъ болѣе, нежели американцевъ и любимъ мы родину и себя не меньше ихъ. Да и коалиціи противъ насъ исчезнутъ какъ только мы проснемся.

Не худо замѣтить, что покуда народъ поставляетъ правительству рекрутовъ и военныя повинности, предоставляя ему охраненье страны, онъ считаетъ себя какъ бы исполнившимъ свою обязанность, откупившимся и очень не охотно идетъ въ ополченье. Кто же не знаетъ нашихъ ополченій и въ крымскую и въ отечественную войну?!... Такое явленье понятно. Хотя сердце русскаго народа очень сжалось при вѣсти о паденіи Севастополя, скоро однако народъ утѣшился понимая, что пораженіе нашей арміи было паденьемъ плохой государственной системы. Чѣмъ болѣе обязанность защиты лежитъ на самомъ народѣ и чѣмъ меньше мучитъ его солдатчина во время мира, тѣмъ болѣе онъ дорожитъ своимъ государствомъ и тѣмъ способнѣе онъ явиться истиннымъ воиномъ во время дѣйствительной опасности. Не два милліона людей дадитъ мы, какъ Американцы, но пять и шесть на свою защиту, лишь бы защищали мы дома счастье, а не горе... Горе наше мы готовы отдать всякому пришельцу Наполеону!... Оттого мы и не боимся, отрядивъ на Кавказъ и Сибирь, тысячъ восемьдесятъ войска и размѣстивъ 70,000 по крѣпостямъ русскимъ, расположить остальныя 200,000 близъ нашей западной границы въ видѣ кадръ, къ которымъ бы могли примкнуть народныя ополченія въ случаѣ надобности.

Внутреннее спокойствіе должно быть оберегаемо городскою и земскою полиціей, но преимущественно справедливостью законовъ.

Читателю можетъ показаться страннымъ, что мы совѣтуемъ Россіи разоруженье въ ту минуту, когда восточный вопросъ грозитъ воспламенить всю Европу? Да,

мы эту минуту избираемъ. Всѣмъ извѣстно, что западныя державы желаютъ сохранить цѣлость оттоманской имперіи. Конечно это не изъ любви къ туркамъ и не изъ ревности къ корану. Изъ чего же? Только изъ одного: *изъ боязни Россіи.* Еслибъ не было Россіи, или, вѣрнѣе, еслибъ политика Россіи была скромнѣе и разумнѣе, еслибъ она дѣйствительно отказалась отъ завоевательныхъ плановъ, то восточный вопросъ пересталъ бы быть европейскимъ, его драма была бы локализирована Балканскимъ полуостровомъ, гдѣ Славяне и Греки безъ большаго труда могли бы свернуть съ себя ненавистное иго и имъ никто бы въ этомъ не помѣшалъ. Но нашъ кабинетъ хочетъ имъ *помогать* и за эту кабинетную помощь отъ нихъ отворачивается вся Европа. Выходитъ, что мы, русскіе, мы болѣе всѣхъ поддерживаемъ турецкую имперію! Нашего прободанья на востокѣ боится западъ и только противъ насъ готовъ онъ отстаивать Порту. Разоруженье Россіи было бы для Европы несомнѣннымъ признакомъ нашего невмѣшательства и сигналомъ къ изгнанію Турокъ. Вотъ политика, за которую задукайскія племяна могли бы намъ дѣйствительно быть благодарны. Оказывается, что русская армія вездѣ для насъ только помѣха: дома — какъ недостаточная защита, на востокѣ — какъ недостаточная помощь. Не по милости ли Россіи ея protégée — Греція должна была выслушать на парижской конференціи не совсѣмъ пріятный урокъ и мудрено ли послѣ этаго, что потомки Перикловъ на насъ теперь гнѣваются: подъ ударъ мы ихъ подвели, а защитить не смогли?.....

Внутри своей земли для нашего обихода намъ конечно болѣе 350,000 войска не нужно. (Мы бы довольствовались и меньшею цифрой, но чтобы не запугать старосвѣтскихъ помѣщиковъ!... Здѣсь кстати замѣтить, что наши солдатики того и гляди поссорятъ насъ безъ нужды еще и съ Англіей. Кому это изъ гвардейскихъ полководцевъ захотѣлось купить себѣ титулъ Гиммалай-

ского цѣною русской крови, даромъ пролитой въ азіатскихъ пустыняхъ?) Когда же мы сведемъ военныя наши силы къ благоразумному размѣру, то въ экономіи получимъ болѣе 60,000,000 р. сер. свободнаго капитала, которымъ можно выкупить крестьянскія земли и возвратить крестьянамъ то, что они уже внесли. Лѣтъ черезъ двадцать, какъ мы сказали, операція была бы кончена (1,200,000,000 — та самая цифра, что требовалась при началѣ реформы) и можно было бы свободный ежегодный капиталъ въ 60,000,000 навсегда изъять изъ военнаго бюджета и употребить его на устройство народныхъ школъ съ даровымъ обученьемъ.

Въ статьѣ нашей мы кажется не сошли съ исторической почвы и остались консервативными. Самодержавіе не тронуто, православіе не тронуто, народность сохранена, соблюдена экономія и людьми и деньгами, внутренній миръ обезпеченъ общимъ довольствомъ: крестьянинъ получаетъ и волю, и землю и просвѣщенье *даромъ*, а помѣщики русскіе, польскіе и нѣмецкіе кладутъ въ карманы рубли настоящіе, не выкупныя свидѣтельства и уже не могутъ протестовать противъ эмансипаціи, основанной на правильномъ началѣ. Крестьянство западныхъ губерній въ самомъ дѣлѣ будетъ намъ благодарно и навсегда освободитъ насъ отъ страха со стороны польскихъ becтовъ, которыхъ можно будетъ преспокойно оставить въ ихъ помѣстьяхъ. Сословные антагонизмы исчезнутъ, интересы экономическіе обобщатся, просвѣщенье народное будетъ обладать такими средствами, какъ ни въ одной странѣ міра. Земская и всѣ реформы получатъ ихъ истинное значенье, Царь явится настоящимъ освободителемъ. Отсюда дальнѣйшій прогрессъ возможенъ правильный и бодрый.

Катковъ правъ: истинно-либеральныя мѣры всегда консервативны. Мѣры же псевдо-либеральныя, въ родѣ нашей крестьянской реформы, только путаютъ народную жизнь, не разрѣшая ея вопросовъ; онѣ источникъ будущихъ смутъ и безпорядковъ, въ нихъ зародышъ революцій.

Мы знаемъ, что противъ насъ найдется множество готовыхъ фразъ. Намъ, напримѣръ, скажутъ, что положенье Европы далеко не представляетъ тѣхъ гарантій мира, какія мы изложили, что политикѣ предстоитъ еще рѣшить множество щекотливыхъ вопросовъ, черныя точки видѣются на горизонтѣ европейскомъ и надо быть на все готовымъ, иначе пострадаютъ наши государственные интересы; что нетолько достоинство націи, но и выгоды ея требуютъ, чтобы правительство не ограничивалось обороной территоріи, но, смотря по обстоятельствамъ, принимало бы и активное участіе въ дѣлахъ Европы, а для этаго нужны большія военныя силы и т. д.

На это мы отвѣтимъ, что государственные наши интересы ни отъ чего такъ не страдаютъ, какъ отъ худыхъ внутреннихъ мѣръ, что самые опасные недуги суть внутреніе, а не внѣшніе и что если наше положенье въ самомъ дѣлѣ таково, что мы принуждены тратить на вооруженья слишкомъ 130,000,000 р. сер. въ годъ, то *мы еще не можемъ освобождать крестьянъ и должны отложить реформу на неопредѣленное время.* Не будемъ себя обманывать, свободы крестьянской у насъ еще нѣтъ, покуда крестьянинъ принужденъ платить за свое рабство. Выкупаться на волю крестьянамъ не было запрещено и во время самаго разгара крѣпостнаго права, а теперь только приказано выкупаться — вотъ вся разница. Правда, что они выкупаются нынче съ землей, но есть въ Россіи цѣлыя полосы, гдѣ крестьяне вовсе не желали бы пріобрѣтать на свои деньги негодную землю и предпочли бы личную свободу; тамъ же, гдѣ земля имѣетъ дѣйствительную цѣнность и есть источникъ богатства; тамъ помѣщики сильно воспользовались правомъ удержать ее за собой, подаривъ крестьянамъ четверть или продавъ имъ треть надѣла. Конечно это не безъ согласія крестьянъ; но что значитъ согласіе людей, не сознающихъ своихъ правъ и не знающихъ между чѣмъ имъ выби-

рать предоставляется? И развѣ тутъ нѣтъ противорѣчія съ общимъ принципомъ освобожденія съ землей? А насильственное закрѣпленье крестьянъ къ землѣ? — Куда какъ хороша эмансипація и куда же намъ соваться въ разрѣшенье европейскихъ вопросовъ, когда отъ насъ смердитъ рабствомъ? Не забудемъ и того, что вслѣдствіе плохой реформы съ будущаго, 70-го года начнется, по всѣмъ вѣроятіямъ, во многихъ мѣстахъ Россіи народное шатанье, которое можетъ такъ разгуляться по землѣ, что намъ будетъ уже не до вмѣшательства въ чужія дѣла. Придется помышлять какъ бы самимъ не разшататься. Отъ этой бѣды насъ избавить можетъ только одно: даровая дача земли крестьянамъ съ обѣщаніемъ возврата имъ уплаченныхъ ими денегъ и устройства правильнаго кадастра.

Но пойдемъ далѣе. Еслибъ даже эмансипація была у насъ настоящая, еслибъ правительство, принявъ на себя обязанность выкупа, возвратило бы народу и волю и клочекъ земли даромъ, то неужели оно могло бы считать себя уже окончившимъ крестьянскую реформу? Далеко нѣтъ! Многовѣковое рабство отняло у народа сверхъ воли и земли еще и *просвѣщенье*. Рабамъ оно не нужно было, *но свободнымъ будетъ необходимо*, безъ него нѣтъ свободы. А наши бѣдныя земскія средства не могутъ и кое какъ восполнить этаго недостатка. Крестьянъ невѣжду, хотя бы и свободныхъ, помѣщики и чиновники будутъ по прежнему и бить и сѣчь (сѣкутъ!), надувать и обирать, ежели не по праву юридическому, то по праву естественному: дураковъ и невѣждъ вездѣ бьютъ и тѣснятъ. Не оттого ли крестьянство и попало въ крѣпость, что не имѣло просвѣщенья? Какъ же дать ему снова свободу и не дать главнаго *обезпеченія и оправданія свободы?* Но для этаго нужны школы въ изобиліи и этѣ школы обязано устроить крестьянамъ не земство, т. е. не сами крестьяне, а государство, виновное въ крѣпостномъ правѣ и въ невѣжествѣ крестьянъ. Оттого-то мы и требуемъ, чтобы по

совершеніи выкупной операціи, капиталъ былъ немедленно обращенъ на народное просвѣщенье, безъ котораго эмансипація не имѣетъ ни смысла, ни прочности. Объ этомъ у насъ никто не подумалъ, а едвали это не самое важное во всемъ крестьянскомъ вопросѣ? ибо свободы безъ просвѣщенья нѣтъ, а просвѣщенье и безъ *даровитой* свободы освобождастъ!

Мы не настаиваемъ на мѣрахъ, нами предложенныхъ. Нужный капиталъ можетъ быть взятъ не у одного военнаго министерства, но и у министерства иностранныхъ дѣлъ, которому бы не худо уменьшить и число миссій и содержаніе пословъ. Съ тѣхъ поръ какъ земство взяло на себя половину труда министерства дѣлъ внутреннихъ, то и это вѣдомство могло бы быть сведено на болѣе скромные размѣры. Издержки по Синодальному управленью простираются за 7,000,000 р. с. въ годъ. Прилично ли архіереямъ быть на содержаніи у государства? Все должно быть принято къ соображенію, но это уже дѣло второстепенное; мы стоимъ покуда на основной нашей мысли о правительственномъ выкупѣ и указали на суммы военнаго министерства какъ на самыя громадныя, самыя непроизводительныя, которыя и должны составить главное зерно выкупнаго капитала.

Пусть подробности эмансипаціи въ общей сложности остаются тѣ же, что допущены теперь (исключая подаренія четверти и продажи трети надѣла) пусть будетъ и тотъ же надѣлъ и та же оцѣнки земли и т. д. Но необходимо измѣнить принципъ освобожденія крестьянъ. Въ немъ главный порокъ, мѣшающій всему остальному, тормозящій всю русскую жизнь; а не въ мелочахъ, всегда исправимыхъ*.

---

* Многія погрѣшности въ нашей крестьянской реформѣ исправятся сами собой, когда эмансипація получитъ иное основанье; и потому мы не считаемъ нужнымъ входить въ подробности.

Восемь лѣтъ прошло со времяни обнародованья манифеста 19 Февраля; тѣмъ не менѣе — мы не опоздали. Было бы невозможно выступить съ предложеньемъ о сокращеніи арміи въ шестидесятомъ году, когда эмансинація представлялась чѣмъ-то въ родѣ конца свѣта, когда всѣ ожидали повсемѣстныхъ смутъ и правительство считало своею обязанностью пребывать во всеоружіи. Затѣмъ вспыхнуло польское возстанье, длившееся цѣлыхъ три года. Вотъ главныя причины, заставлявшія правительство не урѣзывать суммъ военнаго вѣдомства. Говорить тогда о распущеніи части нашего войска значило бы компрометировать дѣло. Теперь и Польша усмирена и дворянство настолько привыкло къ мысли о крестьянской свободѣ, но и начинаетъ понимать, что народная полу-свобода бѣдственнѣе истинной. Не доставляя выгодъ крѣпостнаго права, теперешняя эмансинація ставитъ помѣщиковъ въ неопредѣленныя, фальшивыя и не безопасныя отношенія къ крестьянству, которое своимъ положеньемъ не можетъ удовлетвориться и ждетъ довершенья начатаго дѣла, косо посматривая и на дворянъ и на правительство, какъ бы желая отгадать — отъ кого идетъ вся путаница? Едва ли и для правительства выгодно такое положенье народныхъ слоевъ? На время можетъ быть — да; но истина не замедлитъ выясниться, а истина та, что хотя дворянство раздѣляетъ съ правительствомъ старый грѣхъ учрежденія крѣпостничества, но безобразіе крестьянскаго выкупа всецѣло падаетъ на одно правительство, ибо выкупъ государственный былъ бы для помѣщиковъ выгоднѣе и они бы отъ него не отказались, еслибъ власти изъявили на него свое согласіе.

Такое внутреннее состояніе Россіи дастъ намъ право думать, что наше предложенье теперь не безвременно. И если внѣшнія отношенія къ другимъ государствамъ представляютъ хоть какія нибудь гарантіи мира, а онѣ есть несомнѣнно, то медлить намъ нечего. Великій русскій народъ можетъ поступать у себя дома справляясь

только съ своими нуждами и съ своего совѣстью. И понятно, что чѣмъ скорѣе реформа приметъ правильный видъ, тѣмъ менѣе встрѣтится на пути затрудненій.

Дѣйствительнаго возраженья противъ правительственнаго выкупа не существуетъ. Онъ и только онъ одинъ представляетъ полное и нравственное разрѣшенье крестьянскаго вопроса; правительство обязано само развязать узелъ, имъ же затянутый. Для властей нашихъ вовсе не было бы унизельно чистосердечно сознаться въ своей ошибкѣ: мы уже показали, что она была невольная, навязанная обстоятельствами и, прибавимъ, новостью дѣла.

Въ заключенье мы укажемъ на общій государственный и историческій смыслъ нашего предложенья.

Теперь по всей Россіи ходитъ довольно громкій и безцеремонный говоръ о конституціи. Не есть ли это явный признакъ того, что хотя мы называемъ царя освободителемъ, однако властію его недовольны? Зачѣмъ бы, казалось, желать ограничить волю царей, не отступающихъ отъ требованій эпохи и не стѣсняющихъ народную жизнь? Если мы думаемъ обезпечить себя на будущія времяна, то все же странно, что такая несвойственная намъ заботливость и предусмотрительность напали на насъ въ царствованіе благодушнаго. И чего же мы хотимъ, неужто въ самомъ дѣлѣ конституціи? *Нѣтъ. менѣе всего мы хотимъ конституціи!* Мы всѣ знаемъ и глубоко убѣждены, что у насъ нѣтъ для нея элементовъ, нѣтъ рѣзко очерченныхъ сословій, нѣтъ партій, нѣтъ и не можетъ быть въ Россіи политической борьбы, необходимаго условія для всякаго конституціоннаго государства. Наше государство выросло не на завоеваніи, а на единомъ народѣ и не взирая на всѣ искуственныя мѣры послѣднихъ полутораста лѣтъ, мы еще составляемъ народъ *единый*. Если у каждой націи должна быть конституція своя и своеобразная, то наша должна быть основана на единствѣ народной воли и не можетъ быть ничѣмъ другимъ, какъ *всею землею*, что

совершенно противуположно западнымъ палатамъ и партіямъ. А вся земля такая колоссальная сила, для которой не опасно и самодержавіе, самодержавія мы и хотимъ. Но, разумѣется, на условіи безсословнаго равенства всего народа и широкаго народнаго просвѣщенья.

Русскіе не способны къ искусственнымъ формамъ, конституціонная машинка намъ не по праву, ея формализмъ не убережетъ нашей свободы. И климатъ Россіи, и географія ея, и жидкость населенія и, наконецъ, славянскій характеръ не таковы, чтобы было возможно намъ неусыпно сторожить каждое малѣйшее конституціонное право наше, заботиться о томъ, чтобы былъ смазанъ каждый винтикъ, а безъ этаго и главныя пружины не могутъ дѣйствовать правильно. Но этому мы думаемъ, что конституція по образцу западному была бы у насъ насиліемъ, искаженьемъ нашей жизни и вмѣсто условнаго порядка принесла бы намъ безусловный безпорядокъ. Мы должны хлопотать объ одномъ, о полнѣйшемъ сліяніи народныхъ интересовъ, объ исчезновеніи всякой сословной вражды, засорившей нашу исторію, совершенно противной нашему однородному организму и объ укрѣпленіи нашего сознанія просвѣщеньемъ. Все это лежитъ въ правительственномъ выкупѣ. Тогда не нужно будетъ ни искуственныхъ ограниченій монархической власти, ни ломки, необходимой при переходѣ изъ одного образа правленія въ другой и притомъ не свособычный, ни сложнаго механизма конституціи, для которой наше прошлое не заготовило матеріаловъ. Старина наша завѣщала намъ Земскій Соборъ, новое время должно принести ему просвѣщенье и согласіе народа, уже проученнаго вѣковой распрей и такимъ образомъ оправдать нашу исторію.

Царь долженъ быть символомъ народнаго единоволія, а не раздада!

Повторяемъ, никто у насъ не хочетъ конституціи въ смыслѣ западномъ. Если мы публично выражаемъ

противное, то это только одинъ изъ удобныхъ и нынѣ дозволенныхъ способовъ высказывать свое недовольство современнымъ. А въ современномъ конечно первое мѣсто занимаетъ крестьянская реформа, краеугольный камень всего будущаго зодчества. Если она не хороша, все не хорошо, она хороша — все исправлено. Разумное рѣшенье крестьянскаго вопроса мы считаемъ такъ важнымъ, что готовы были бы перенести многія пораженья отъ внѣшнихъ враговъ, лишь бы выиграть побѣду здѣсь: у насъ столько силъ народныхъ, что мы все наверстаемъ, когда излѣчимъ свой главный недугъ. Униженное состоянье крестьянъ и ихъ невѣжество для насъ бѣдственнѣе всякихъ Севастопольскихъ погромовъ, оно парализируетъ умственныя и вещественныя силы сорока милліоновъ даровитаго народа.

Наша крестьянская реформа уничтожила крѣпостное *помѣщичье* право, — въ этомъ ея несомнѣнная заслуга; но крестьянъ не освободила и сохранила крѣпостное *государственное* право, — вотъ ея порокъ.

Нынѣшнее царствованіе совершило много благодѣтельныхъ преобразованій, свободы въ Россіи стало больше, чѣмъ когда либо, законы дѣйствительнѣе ограждаютъ людей, печатное слово пользуется правами, какихъ не имѣло прежде, гласность проникаетъ въ темные углы, желѣзные пути обогащаютъ народъ, знакомятъ его съ самимъ собой..... Отчего же, не смотря на все это въ Россіи такъ душно, какъ едва ли когда нибудь было, откуда раздражающее, томительное чувство какъ будто передъ грозой? Мы это объясняемъ себѣ не иначе, какъ совершающейся въ нашемъ отечествѣ невидимой борьбой невидимыхъ началъ — старыхъ и новыхъ, борьбой, которой исходъ еще очень мало опредѣлился и оставляетъ людей въ ожиданіи. Все обновляется въ Россіи: дворянство новое, крестьянство новое, суды новые, самоуправленье новое, даже армія и духовенство обновляются..... А государство? Оно остается старымъ,

— вотъ гдѣ противорѣчіе. — Вино новое вливается въ мѣхи новые.

Несомнѣнно то, что дѣйствуя осторожно и не называя вещи ихъ старымъ именемъ, очень возможно въ Россіи возстановить понемногу крѣпостное помѣщичье право. И это только потому, что еще не убитъ его источникъ — крѣпостное государственное право. Оно еще въ полномъ ходу и нисколько не потеряло своей силы отъ эмансипаціи. Крестьянинъ и тѣломъ и душею полный рабъ государства. Мудрено ли правительству учредить надъ нимъ помѣщичью полицію, которая возстановила бы вполнѣ всѣ старые порядки?

Въ своей рѣчи къ московскому дворянству, въ Августѣ 1858 г., Александръ II сказалъ: «*Я самъ первый дворянинъ Россіи.*» Если такъ, то намъ кажется, что въ качествѣ русскаго дворянина и ему бы слѣдовало вмѣстѣ со всѣми отказаться отъ крѣпостничества. Не стыдно ли Царю быть рабовладѣльцемъ тамъ, гдѣ ихъ болѣе нѣтъ? Да прикажетъ же онъ своему казначейству выкупить крестьянъ на волю и тогда пусть сдѣлается онъ уже не первымъ дворяниномъ, но первымъ крестьяниномъ безсословной русской земли. Царь былъ бы боготворимъ народомъ, еслибъ объявилъ, что принимаетъ выкупъ на себя. Это было бы со стороны русскаго государства полной расплатой передъ народомъ и очищеньемъ отъ крѣпостнаго права.

Мы взглянули на крестьянскій вопросъ съ самой консервативной точки зрѣнія, не увлекаясь никакою теоріей, не поддаваясь ни какимъ философствованіямъ, не проповѣдуемъ ни коммунизма, ни соціализма, не призываемъ народъ нашъ къ возмущенью противъ властей. Напротивъ того, сами указываемъ властямъ на опасное мѣсто въ русскомъ организмѣ и предлагаемъ мѣры для возстановленья внутренняго спокойствія Россіи. Наши желанія не превышаютъ возможнаго и потому должны бы имѣть право на вниманіе правительства. Хотя мы и осмѣлились указать ему на нѣкоторыя его ошибки.

но нашли и извиненія для нихъ. И мы твердо надѣемся, что оно не останется глухо къ голосу истины и что Царь со славою довершитъ начатое имъ дѣло.

Рано или поздно исторія взыщетъ съ должниковъ и чѣмъ позднѣе, тѣмъ строже!

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Мы сей часъ видѣли въ какой тѣсной связи съ крестьянской реформой находится вопросъ объ народномъ образованіи и потому считаемъ не лишнимъ сказать здѣсь нѣсколько замѣчаній объ этомъ важномъ дѣлѣ.

Много лѣтъ уже тянется въ Россіи споръ о томъ, какое образованье лучше, классическое или реальное. Споръ нелѣпый потому, что еслибъ требовалось одно теоретическое рѣшенье вопроса, то и разномысліе было бы невозможно: всякій понимаетъ, что чѣмъ образованье многосторонніе, строже, наукообразнѣе, тѣмъ оно выше. Но на практикѣ этотъ вопросъ долженъ быть рѣшенъ сообразно съ историческими и бытовыми условіями страны, согласно съ умственнымъ развитіемъ народа.

Московскія Вѣдомости, ратуя за классическое образованье, увѣряютъ, будто бы оно одно можетъ подготовить истинно-государственныхъ людей. Но что такое государственный человѣкъ и что такое государство? Безпредѣльная Россія и маленькая Бельгія, Китай и Швейцарія, разлагающаяся Турція и Американскіе Штаты, Аѳины и Орда, конституціонная Англія и римская ѳеократія, французская республика и французская имперія — все это государства. Что же между ними общаго? ровно ничего. Каждый народъ и въ каждую эпоху своего развитія имѣетъ свое понятіе о государ-

ствѣ и сообразно съ этимъ понятіемъ и съ современными потребностями общества образовываетъ свое юношество. Иначе быть не можетъ: кто же станетъ воспитывать людей для какого-то отвлеченнаго, несуществующаго государства, или же существующаго только въ воображеніи московскихъ публицистовъ?!

Классическая гимназія по своей полнотѣ и по своему взгляду на науку конечно выше реальной школы; а реальная въ свою очередь выше простой сельской школы, гдѣ людей учатъ грамотѣ и первымъ правиламъ ариѳметики; однако, еслибъ у насъ на мѣсто народныхъ школъ устроили для крестьянъ классическія гимназіи, то народъ никогда бы не научился и простой грамотѣ.

Въ нашемъ отечествѣ повсемѣстный, крайній недостатокъ всякого просвѣщенья; нетолько простой народъ, но даже большинство общества еще сомнѣвается въ пользѣ наукъ вообще, а его хотятъ увѣрить въ необходимости древнихъ языковъ! Вмѣсто того, чтобы облегчать народу возможность учиться, спускать требованія и стараться возбудить въ массахъ охоту, доставляя имъ свѣденія практическія, имѣющія всюду прямое приложенье и подкупающія очевидностью своей пользы, наши педагоги затрудняютъ экзамены, усложняютъ курсы и хотятъ поднять уровень преподаванья на ту же высоту, на какой оно теперь въ Германіи. Точно заговоръ противъ нашего народнаго просвѣщенья!

Мало ли что возможно уже въ Германіи и что еще не мыслимо въ Россіи. Требованія всегда должны быть тѣмъ строже, законы тѣмъ взыскательнѣе, чѣмъ богаче и образованнѣе нація — и на оборотъ. Такъ, напримѣръ, въ нѣмецкихъ земляхъ возможно образованье принудительное, ибо нѣмецъ, не учащій своихъ дѣтей, всѣми сочтется за сумасшедшаго или за изверга. Извѣстныя знанія сдѣлались тамъ необходимымъ требованіемъ отъ каждаго. У насъ же крестьянинъ или мѣщанинъ, не заботящійся о грамотности своего сына, явленье самое нормальное. Человѣкомъ безпокойнымъ

называютъ того, кто думаетъ итти не общей, битой колеей. Когда грамотность въ Россіи сдѣлается общимъ достояньемъ, тогда и у насъ само собой введется принудительное обученье.

На этомъ же самомъ основаніи мы скажемъ, что когда образованье реальное, какъ бы ни было оно неполно и отрывочно, станетъ у насъ достояньемъ большинства, тогда мы несомнѣнно пожелаемъ дополненья и гимназій классическихъ; но когда школы классическія стоятъ однѣ, то служатъ только меньшинству, ничего или почти ничего не прибавляя къ общему народному просвѣщенью. Онѣ остаются какъ оазисы въ пустынѣ, безсильные распространить жизнь на окружающія ихъ степи и всегда угрожаемые быть занесенными пустынным пяскомъ.

Кто же будетъ возставать противъ университетовъ и классическихъ гимназій? Пусть они множатся еще и еще; но главная наша забота должна быть обращена *покуда* на школы реальныя, болѣе для всѣхъ доступныя и на школы сельскія, гдѣ приготовляется самая почва для всѣхъ будущихъ посѣвовъ.

Можно принять за законъ, что тамъ, гдѣ много школъ сельскихъ, тамъ скоро много будетъ и реальныхъ школъ; а гдѣ много школъ реальныхъ, тамъ незамедлятъ явиться и классическія. Но не на оборотъ, ибо очень возможно, что правительство (отвлеченное) устроитъ превосходныя классическія гимназіи и университеты для классовъ привилегированныхъ и намѣренно, или по невниманію, оставитъ массу народа безъ просвѣщенья. По этѣмъ двумъ системамъ народнаго образованья можно судить о характерѣ правительства и о добросовѣстности журналистовъ.

У насъ все хлопочатъ о подготовкѣ глубоко ученыхъ государственныхъ людей съ цѣлью — предоставить имъ управленье безграмотною, темною массой. Не лучше ли, не забывая однихъ, позаботиться и о другихъ? Не лучше ли просвѣтить массу на столько, чтобы она могла

сама управлять своими несложными, мѣстными дѣлами, рѣшать свои практическіе вопросы, не утруждать всякимъ вздоромъ людей высоко поставленныхъ и, наконецъ, чтобы она могла понимать и цѣнить своихъ верховныхъ вожатыхъ? Глубоко ученому министру нужна развитая среда для выполненія его высокихъ предначертаній. Народъ невѣжественный обратитъ всѣ его великія познанія въ пустую кабинетную прихоть. Поставьте любаго нашего администратора, хоть не изъ орловъ, посреди Бурятъ: къ чему послужитъ тамъ вся его государственная опытность и классическая мудрость? только ко тому, чтобы онъ проклиналъ свое назначенье и смотрѣлъ бы на него какъ на ссылку.

Истина несомнѣнная, что просвѣщенный народъ самъ потребуетъ строгаго научнаго образованья для своихъ вожатыхъ. *А просвѣщенье Россіи начнется тогда, когда весь народъ выучится читать и писать по русски, а не тогда, когда министры его заговорятъ по гречески!* Невѣжество народа избавляетъ государственныхъ людей отъ нужды ломать свою голову надъ Аристотелемъ, онъ самъ подсовываетъ имъ романы А. Дюма.

Простая сельская школа есть первое условіе для того, чтобы классическія гимназіи и университеты могли приносить пользу странѣ. Гдѣ нѣтъ школъ сельскихъ и реальныхъ, тамъ классическія положительно вредны: это гнѣзда олигархіи, въ которыхъ избранное меньшинство настолько выучивается древнимъ языкамъ, настолько привыкаетъ къ научному методу, сколько выучивается оно презирать безграмотный, невѣжественный народъ и такимъ образомъ разрываетъ всякую органическую связь между народомъ и властью или, что еще того хуже, между народомъ и просвѣщеньемъ, которое въ меньшинствѣ не замедлитъ принять характеръ анти-народной абстрактности, какъ всякая монополія*.

---

* Изъ отчетовъ министерскихъ мы видимъ, что наши теперешнія гимназіи выпускаютъ отъ 10—15, а иныя не болѣе

Куда намъ вообще думать о глубокой учености, въ какой бы то ни было сферѣ вѣденія, когда люди, имѣющіе общее образованье, у насъ еще рѣдкость? Еслибъ намъ и случилось имѣть своего Гумбольдта, положимъ, въ качествѣ Московскаго или Харьковскаго профессора, то мы бы не смогли и не съумѣли даже воспользоваться настоящимъ образомъ его научными изслѣдованьями, а тѣмъ менѣе ихъ оцѣнить и провѣрить. Пользу нашъ доморощенный ученый приносилъ бы нестолько намъ, сколько нѣмцамъ, англичанамъ, печаталъ бы свои изысканія на ихъ языкѣ, у нихъ его открытія получили бы первое приложенье и развѣ черезъ нихъ перешли бы и къ намъ. Мы еще не въ состояніи составить славы ученаго, не можемъ дать ему нужной обстановки; русская общественная среда ему не помощница, а скорѣй помѣха. И покуда это такъ будетъ, до тѣхъ поръ истинная глубокая ученость останется у насъ кабинетной прихотью весьма немногихъ достаточныхъ людей, нетолько не показывающихся въ общество со своей наукой, но отъ міра въ нее удаляющихся, науки ради монашествующихъ. А ученость, давшая обѣтъ молчанія, еще безполезнѣе молчаливаго невѣжества.

Приготовте сперва сцену, — актеры не замедлятъ; приготовте почву, — сѣмяна взойдутъ; приготовте общественную среду, — ученые и художники явятся, но не прежде.

Пушкина погубила невѣжественная среда и не одного его!

четырехъ учениковъ въ годъ. Не есть ли это ясное доказательство крайней негодности нашихъ гимназій, что ихъ надо пересоздать въ корнѣ? Классическая премудрость у насъ еще свѣчь не стоитъ.

4 MAR 1946

2007231596